Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-4-154-161

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ФАРМАНОВА Роза Мурадовна,

магистрант по направлению подготовки «Юриспруденция» Юридического института Дагестанского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Институт соучастия в преступлении традиционно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в уголовно-правовой доктрине. Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема дифференциации ответственности соучастников, учитывающая как характер и степень фактического участия каждого лица в совершении преступления, так и особенности субъективных связей между ними. В настоящей статье на основе анализа доктринальных подходов, судебной практики и зарубежного законодательства обосновывается необходимость совершенствования нормативной регламентации ответственности соучастников в Уголовном кодексе Российской Федерации. Автором выявлены пробелы и противоречия в действующем правовом регулировании, в частности, недостаточная определенность критериев дифференциации наказания соучастникам, отсутствие законодательной регламентации особенностей добровольного отказа при соучастии, сложности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя. Сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в статьи 34, 36, 67 УК РФ, направленные на обеспечение принципов справедливости и индивидуализации ответственности. Особое внимание уделено проблеме квалификации действий посредников в преступной деятельности и необходимости унификации подходов к пониманию пособничества в Общей и Особенной частях УК РФ.*

Ключевые слова: *соучастие, дифференциация ответственности, организатор преступления, подстрекатель, пособник, эксцесс исполнителя, добровольный отказ, назначение наказания, индивидуализация ответственности.*

MAGOMEDOVA Aminat Mustafaevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Law Institute of Dagestan State University

FARMANOVA Roza Muradovna,

Master's student in the field of Law Law Institute of Dagestan State University

DIFFERENTIATION OF LIABILITY OF ACCOMPLICES IN A CRIME: PROBLEMS OF THEORY AND LEGISLATIVE REGULATION

Annotation. *The institution of complicity in a crime has traditionally been among the most complex and controversial in criminal law doctrine. Of particular relevance in modern conditions is the problem of differentiating the liability of accomplices, taking into account both the nature and degree of actual participation of each person in the commission of a crime, and the peculiarities of subjective connections between them. This article, based on an analysis of doctrinal approaches, judicial practice and foreign legislation, substantiates the need to improve the regulatory regulation of the liability of accomplices in the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies gaps and contradictions in the current legal regulation, in particular, insufficient certainty of criteria*

for differentiating punishment of accomplices, lack of legislative regulation of the specifics of voluntary refusal in complicity, difficulties in qualifying the actions of accomplices in case of excess of the perpetrator. Specific proposals are formulated for amending Articles 34, 36, 67 of the Criminal Code of the Russian Federation aimed at ensuring the principles of fairness and individualization of responsibility. Special attention is paid to the problem of qualifying the actions of intermediaries in criminal activity and the need to unify approaches to understanding aiding in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: *complicity, differentiation of responsibility, organizer of a crime, instigator, accomplice, excess of the perpetrator, voluntary refusal, sentencing, individualization of responsibility.*

Институт соучастия в преступлении занимает особое место в системе уголовного права, что обусловлено повышенной общественной опасностью совместной преступной деятельности. Как справедливо отмечал еще Н.С. Таганцев, «стечение преступников, действующих совокупными силами для достижения единой цели, представляется особенно опасной формой преступной деятельности: общность сил создает общность средств, облегчает осуществление задуманного, парализует противодействие потерпевших, создает возможность более дерзких и опасных посягательств» [1, с. 325]. Статистические данные свидетельствуют о сохранении устойчивой доли групповых преступлений в структуре российской преступности: по официальным данным МВД России, в 2025 году каждое четвертое расследованное преступление совершено в соучастии [2].

В то же время действующее уголовное законодательство Российской Федерации, несмотря на наличие специальной главы 7 УК РФ, посвященной соучастию, содержит ряд пробелов и противоречий в регламентации ответственности различных видов соучастников. Особую остроту данной проблеме придает наблюдающаяся в последние десятилетия тенденция к криминализации деяний, соответствующих отдельным видам соучастия (организации, подстрекательству, пособничеству), в качестве самостоятельных составов преступлений в Особенной части УК РФ. Как обоснованно указывает А.К. Субачев, «упомянутое нормотворчество нуждается в подробнейшем исследовании на предмет его соответствия правилам конструирования уголовно-правовых норм, а также принципам уголовного права и уголовно-правовой политики» [3, с. 7].

Легальное определение соучастия закреплено в ст. 32 УК РФ: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Анализ данного определения позволяет выделить объективные и субъективные признаки соучастия, которые выступают фундаментом для последующей дифференциации ответственности соучастников.

К числу объективных признаков соучастия доктрина относит: 1) количественный признак – участие двух или более лиц; 2) качественный признак – совместность участия, предполагающую взаимную обусловленность преступных действий, наличие единого преступного результата и причинной связи между действиями каждого соучастника и этим результатом [4, с. 48]. Субъективные признаки соучастия включают: 1) умышленный характер совместного участия; 2) совершение соучастниками умышленного преступления.

Особое значение для дифференциации ответственности имеет выделение в ст. 33 УК РФ четырех видов соучастников: исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Критерием такого разграничения выступает характер выполняемых соучастником функций при совершении преступления. Как обоснованно отмечает А.И. Рарог, «разделение соучастников на виды имеет важное значение для индивидуализации ответственности, поскольку характер и степень фактического участия каждого из них в совершении преступления должны учитываться судом при назначении наказания» [5, с. 215].

В теории уголовного права выделяются различные формы соучастия: простое соучастие (соисполнительство) и сложное соучастие (с распределением ролей); соучастие без предварительного сговора и с предварительным сговором; организованная группа и преступное сообщество. Каждая из указанных форм имеет специфические признаки, влияющие на квалификацию содеянного и пределы ответственности соучастников.

Историко-правовой анализ позволяет проследить эволюцию представлений о дифференциации ответственности соучастников в отечественном уголовном праве. В дореволюционный период сложились две основные концепции: акцессорная теория соучастия и теория самостоятельной ответственности соучастников. Сторонники акцессорной теории (Н.С. Таганцев, И.Я.

Фойницкий) исходили из того, что ответственность соучастников производна от ответственности исполнителя и не может наступать при отсутствии главного субъекта преступления [1, с. 342]. Противоположная позиция обосновывалась А.С. Жиряевым, который полагал, что каждый соучастник отвечает самостоятельно за свои собственные действия [6, с. 78].

В советский период возобладал компромиссный подход, нашедший отражение в законодательстве и доктрине. Как указывал А.Н. Трайнин, «основанием ответственности соучастников является совершение общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, но при соучастии состав преступления может быть выполнен не каждым соучастником, а лишь одним из них – исполнителем» [7, с. 112]. При этом ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ (кроме случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями).

Современная доктрина исходит из необходимости сочетания общих начал ответственности соучастников с принципами индивидуализации и справедливости наказания. М.И. Ковалев подчеркивал: «Несмотря на единство преступного результата, степень вины и опасности каждого соучастника может быть различна, что должно находить отражение в мере наказания» [8, с. 156].

Исследование зарубежного опыта представляет интерес для выявления оптимальных моделей дифференциации ответственности соучастников. Уголовное законодательство стран континентальной правовой семьи (Германия, Франция, Испания) традиционно придерживается акцессорной теории с элементами самостоятельной ответственности соучастников. Так, Уголовный кодекс ФРГ (§§ 26, 27) устанавливает, что подстрекатель наказывается так же, как исполнитель, а пособнику наказание смягчается в соответствии с правилами о назначении наказания [9].

В странах англо-американской правовой семьи (Великобритания, США) действует иной подход, при котором все соучастники преступления несут равную ответственность за совершенное преступление, хотя в некоторых юрисдикциях сохраняется дифференциация при назначении наказания [10, с. 67].

Особый интерес представляет законодательство постсоветских государств. Уголовный кодекс Республики Казахстан в ст. 28 закрепляет правила назначения наказания соучастникам, конкретизируя, что при назначении наказания учитываются характер и степень фактического участия лица в совершении преступления, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда [11].

Анализ зарубежного законодательства позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективной является модель, сочетающая четкую законодательную регламентацию видов соучастников с гибкими правилами назначения наказания, позволяющими учитывать все обстоятельства совершенного преступления.

Несмотря на наличие в ст. 33 УК РФ легальных определений каждого вида соучастников, правоприменительная практика сталкивается со сложностями при разграничении смежных ролей, в особенности при отграничении организатора от подстрекателя и пособника от соисполнителя.

Организатор преступления характеризуется в ч. 3 ст. 33 УК РФ как лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество либо руководившее ими. В доктрине обоснованно отмечается, что данное определение не в полной мере отражает специфику организаторской деятельности. Как указывает С.А. Балеев, «организаторская деятельность может проявляться в различных формах: разработка плана совершения преступления, распределение ролей между соучастниками, обеспечение орудиями и средствами совершения преступления, координация действий соучастников и т.д.» [12, с. 45].

Особую сложность представляет разграничение организатора и подстрекателя. В судебной практике нередко действия лица, склонившего других к совершению преступления, квалифицируются как подстрекательство, хотя по существу речь идет об организации преступления. Представляется, что критерием разграничения должен выступать характер выполняемых функций: если лицо не ограничивается возбуждением умысла на совершение преступления, а принимает активное участие в планировании и подготовке преступления, его действия следует квалифицировать как организацию.

Не менее сложным является разграничение пособничества и соисполнительства. Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий,

а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. В то же время, как отмечает М.Г. Горенко, «в Особенной части УК РФ появилось значительное количество составов преступлений, где действия, традиционно относимые к пособничеству, криминализированы в качестве самостоятельных преступлений (ст. 205.1, 291.1, 204.1 УК РФ и др.)» [13, с. 12]. Данная тенденция порождает проблему разграничения пособничества в преступлении и самостоятельной преступной деятельности.

Статья 67 УК РФ устанавливает общие правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии: «При назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда». Анализ данной нормы позволяет выявить ряд проблем.

Во-первых, законодатель не раскрывает содержание понятий «характер» и «степень» фактического участия, что порождает неоднозначную судебную практику. Как обоснованно указывает Д.А. Янковский, «характер участия определяется той ролью, которую выполнял соучастник (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), а степень участия – интенсивностью действий соучастника, его вкладом в достижение преступного результата» [14, с. 214]. Однако данные критерии не закреплены законодательно, что создает риск субъективизма при назначении наказания.

Во-вторых, ст. 67 УК РФ не содержит указания на необходимость учета при назначении наказания формы соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество). Между тем, как справедливо отмечает В.А. Гаужаева, «совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества существенно повышает общественную опасность содеянного, что должно находить отражение при назначении наказания всем соучастникам» [15, с. 249].

В-третьих, ст. 67 УК РФ не регламентирует особенности назначения наказания при эксцессе исполнителя, когда один из соучастников выходит за пределы состоявшегося сговора. Статья 36 УК РФ лишь определяет, что за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. Однако вопрос о том, как квалифицировать действия соучастников в случае, когда исполнитель совершает менее тяжкое преступление, чем было оговорено, либо отказывается от совершения преступления, остается открытым.

Особую сложность представляет квалификация действий соучастников на стадиях приготовления и покушения, а также при добровольном отказе от совершения преступления.

Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления». Данная норма регламентирует ответственность за неудавшееся подстрекательство, однако аналогичные правила в отношении неудавшегося пособничества и неудавшейся организации в законе отсутствуют. В судебной практике действия лица, пытавшегося оказать пособничество, но не сумевшего этого сделать по не зависящим от него обстоятельствам, квалифицируются как приготовление к соответствующему преступлению, что представляется обоснованным, но требует законодательного закрепления.

Проблема добровольного отказа соучастников регламентирована в ст. 31 УК РФ лишь частично. Часть 4 ст. 31 УК РФ устанавливает, что «организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца». Пособник освобождается от ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

Анализ данной нормы выявляет ряд недостатков. Во-первых, закон не определяет момент, до которого должен быть осуществлен добровольный отказ (очевидно, что речь должна идти о моменте до окончания преступления исполнителем). Во-вторых, не регламентирована ситуация, когда принятые организатором или подстрекателем меры не привели к предотвращению преступления. Представляется, что в таком случае их действия должны квалифицироваться как покушение на организацию (подстрекательство) к преступлению, однако это прямо не вытекает из закона.

Одной из наиболее актуальных проблем современного уголовного права является соотношение общих норм о соучастии (гл. 7 УК РФ) и специальных составов преступлений, криминализирующих отдельные виды соучастнической деятельности в Особенной

части УК РФ.

Как отмечает А.К. Субачев, «в первоначальной редакции уголовного закона 1996 года регламентация института соучастия в преступлении по общему правилу осуществлялась посредством норм Общей части» [3, с. 9]. Однако в последующем законодатель пошел по пути криминализации деяний, соответствующих отдельным видам соучастия, в качестве самостоятельных составов преступлений: ст. 205.1 (содействие террористической деятельности), ст. 208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), ст. 210 (организация преступного сообщества), ст. 282.3 (финансирование экстремистской деятельности), ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве), ст. 204.1 (посредничество в коммерческом подкупе) и др.

Указанная тенденция порождает проблему конкуренции общих и специальных норм, а также вопрос о пределах криминализации соучастнической деятельности. Как справедливо указывает О.В. Гейнце, «посредничество как вид преступной деятельности имеет сложную правовую природу: оно может рассматриваться и как форма соучастия (пособничество), и как самостоятельное преступление (ст. 291.1 УК РФ)» [16, с. 85].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что правоприменительные органы не всегда правильно разграничивают случаи, когда действия соучастника должны квалифицироваться со ссылкой на ст. 33 УК РФ, и когда они образуют самостоятельный состав преступления. Представляется, что критерием разграничения должен выступать характер общественной опасности деяния: если действия организатора, подстрекателя или пособника представляют повышенную общественную опасность и могут совершаться вне связи с конкретным преступлением, они обоснованно криминализируются в Особенной части УК РФ.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства РФ в части регламентации ответственности соучастников преступления.

1. Уточнение законодательного определения организатора преступления. Представляется целесообразным дополнить ч. 3 ст. 33 УК РФ указанием на конкретные формы организаторской деятельности, что позволит более четко отграничивать организатора от иных видов соучастников. В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 33 УК РФ:

«Организатором признается лицо, совершившее одно из следующих действий:

– организовавшее совершение преступления (разработка плана, подбор соучастников, распределение ролей, обеспечение орудиями и средствами совершения преступления, иные действия по созданию условий для совершения преступления);
– руководившее исполнением преступления (координация действий соучастников, дача указаний в процессе совершения преступления, принятие решений о способах и средствах совершения преступления);
– создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими».

2. Законодательное закрепление критериев разграничения пособничества и соисполнительства. Для устранения сложностей в правоприменительной практике предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснением о том, что при разграничении пособничества и соисполнительства следует исходить из того, выполняло ли лицо действия, непосредственно входящие в объективную сторону состава преступления. Если лицо лишь создавало условия для совершения преступления, но само не участвовало в выполнении объективной стороны, его действия подлежат квалификации как пособничество со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Анализ ст. 67 УК РФ позволяет сделать вывод о необходимости ее дополнения положениями, конкретизирующими критерии учета характера и степени фактического участия соучастника, а также формы соучастия.

Предлагается следующая редакция ст. 67 УК РФ:

«Статья 67. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии

1. При назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Под характером участия понимается выполняемая лицом роль (исполнитель,

организатор, подстрекатель, пособник), под степенью участия – интенсивность действий соучастника, его вклад в достижение преступного результата, наличие или отсутствие обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание, относящихся к личности соучастника.

2. При назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитывается также форма соучастия: совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) признается обстоятельством, отягчающим наказание.
3. В случае эксцесса исполнителя действия иных соучастников квалифицируются по направленности их умысла. Если исполнителем совершено менее тяжкое преступление, чем охватывалось умыслом иных соучастников, ответственность соучастников наступает за приготовление к тому преступлению, которое они имели в виду».

Представляется необходимым уточнить правила добровольного отказа соучастников, закрепленные в ч. 4 и ч. 5 ст. 31 УК РФ.

Во-первых, следует установить предельный срок добровольного отказа соучастников – до момента окончания преступления исполнителем. После окончания преступления добровольный отказ невозможен, однако действия соучастника могут быть учтены как смягчающее обстоятельство.

Во-вторых, необходимо регламентировать правовые последствия неудавшихся мер по предотвращению преступления. Если организатор или подстрекатель приняли все зависящие от них меры для предотвращения преступления, но исполнитель совершил его независимо от их воли, они не подлежат уголовной ответственности за оконченное преступление, однако могут отвечать за приготовление к нему.

В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 4 и ч. 5 ст. 31 УК РФ:

«4. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Если указанные меры не привели к предотвращению преступления по обстоятельствам, не зависящим от воли организатора или подстрекателя, они подлежат ответственности за приготовление к тому преступлению, которое имели в виду.

5. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. Если предотвратить преступление не удалось по обстоятельствам, не зависящим от воли пособника, его действия подлежат квалификации как покушение на пособничество».

Для устранения противоречий между нормами Общей и Особенной частей УК РФ о пособничестве предлагается внести изменения в статьи Особенной части, криминализирующие отдельные виды пособнической деятельности.

Представляется целесообразным дополнить примечания к ст. 205.1, 282.3, 291.1 УК РФ положением о том, что правила ч. 5 ст. 33 УК РФ применяются к указанным составам преступлений субсидиарно, если иное не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части. Это позволит обеспечить системное толкование уголовного закона и избежать ошибок в квалификации.

Кроме того, предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснением о соотношении посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и пособничества в получении или даче взятки (ст. 33 и ст. 290, 291 УК РФ). Критерием разграничения должно выступать то, действует ли посредник в интересах конкретного взяткодателя или взяткополучателя либо осуществляет посредническую деятельность как самостоятельный вид преступного промысла.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

1. Институт соучастия в преступлении является одним из наиболее сложных в уголовном праве, что обусловлено необходимостью сочетания общих оснований ответственности соучастников с принципами индивидуализации и справедливости наказания. Дифференциация ответственности соучастников должна основываться на учете как объективных (характер выполняемых функций, форма соучастия,

фактический вклад в достижение преступного результата), так и субъективных (степень осознания общественной опасности деяния, особенности умысла) критериев.

2. Действующее уголовное законодательство РФ содержит ряд пробелов и противоречий в регламентации ответственности соучастников. В частности, недостаточно четко определены критерии разграничения организатора и подстрекателя, пособника и соисполнителя; отсутствует законодательная конкретизация правил назначения наказания соучастникам; не в полной мере урегулированы вопросы добровольного отказа при соучастии и ответственности за эксцесс исполнителя.
3. Наблюдающаяся в последние десятилетия тенденция к криминализации отдельных видов соучастнической деятельности в Особенной части УК РФ порождает проблему соотношения общих и специальных норм о соучастии. Данная тенденция в целом соответствует потребностям борьбы с наиболее опасными формами преступной деятельности (терроризм, экстремизм, коррупция), однако требует унификации подходов к пониманию соучастия и выработки четких критериев разграничения общих и специальных норм.
4. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что оптимальной является модель, сочетающая четкую законодательную регламентацию видов соучастников с гибкими правилами назначения наказания, позволяющими учитывать все обстоятельства совершенного преступления. Положительный опыт зарубежных государств может быть использован при совершенствовании российского уголовного законодательства.
5. На основе проведенного исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ, направленные на: уточнение законодательного определения организатора преступления; дополнение ст. 67 УК РФ положениями, конкретизирующими критерии учета характера и степени участия соучастника, а также формы соучастия; совершенствование правил добровольного отказа соучастников; унификацию подходов к пониманию пособничества в Общей и Особенной частях УК РФ.

Реализация предложенных изменений будет способствовать повышению эффективности уголовно-правового противодействия групповой преступности, обеспечению принципов справедливости и индивидуализации ответственности при назначении наказания соучастникам, а также устранению противоречий между нормами Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующими институт соучастия.

Дальнейшие научные исследования в данной области могут быть направлены на изучение проблем квалификации преступлений, совершенных в соучастии с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, особенностей ответственности соучастников при совершении преступлений с двумя формами вины, а также на сравнительно-правовой анализ института соучастия в уголовном праве государств – участников СНГ.

Список литературы:

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.

[2] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года: Статистический сборник / ГИАЦ МВД России. – М., 2024. – 65 с.

[3] Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2019. – 215 с.

[4] Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. – М.: Юридическая литература, 1980. – 176 с.

[5] Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2018. – Т. 1. Общая часть. – 624 с.

[6] Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1850. – 215 с.

[7] Трайнин А.Н. Учение о соучастии. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 236 с.

[8] Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 268 с.

[9] Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. Д.А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.

[10] Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 278 с.
[11] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп.) // Ведомости Парламента РК. – 2014. – № 13. – Ст. 83.
[12] Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по действующему российскому уголовному законодательству. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 188 с.
[13] Горенко М.Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2023. – 32 с.
[14] Янковский Д.А. Совершенствование правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 212-217.
[15] Гаужаева В.А. Соучастие в преступлении: некоторые проблемы квалификации и ответственности // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 1. – С. 247-253.
[16] Гейнце О.В. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2022. – 198 с.
[17] Наумов А.В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. – М.: Проспект, 2021. – 416 с.
[18] Энциклопедия уголовного права: в 32 т. / под ред. В.Н. Кудрявцева. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2007. – Т. 6: Соучастие в преступлении. – 564 с.
[19] Иванов Н.Г. Критика «чистой воды»: опыт эмпирического анализа норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 206 с.
[20] Качество уголовного закона: проблемы Общей части / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2018. – 288 с.

References:

[1] Tagantsev N.S. Russian criminal law: Lectures. Part General: in 2 volumes - M.: Nauka, 1994. - VOL. 1. - 380 s.
[2] State of crime in Russia for January-December 2023: Statistical collection/GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - M., 2024. - 65 s.
[3] Subachev A.K. Institute of complicity in crime and its reflection in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. - M., 2019. - 215 s.
[4] Galiakbarov R.R. Qualification of group crimes. - M.: Legal literature, 1980. - 176 s.
[5] Russian criminal law: in 2 volumes/ed. A.I. Raroga. - M.: Prospect, 2018. - VOL. 1. General part. - 624 s.
[6] Zhiryaev A.S. On the confluence of several criminals in the same crime. - St. Petersburg: Printing house of the Governing Senate, 1850. - 215 s.
[7] Trainin A.N. The doctrine of complicity. - M.: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1941. - 236 s.
[8] Kovalev M.I. Complicity in a crime: monograph. - Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 1999. - 268 p.
[9] Criminal Code of the Federal Republic of Germany/ scientific. ed. D.A. Shestakov. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. - 524 s.
[10] Kozochkin I.D. U.S. Criminal Law: Successes and Challenges of Reform. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2007. - 278 p.
[11] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended and supplemented)//Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. – 2014. – № 13. - Art. 83.
[12] Baleev S.A. Liability for organizational criminal activity under the current Russian criminal legislation. - Kazan: Publishing House of Kazan University, 2002. - 188 s.
[13] Gorenko M.G. Institute of Special Types of Organization, Incitement and Aiding of Criminal Activity: ref. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. - M., 2023. - 32 s.
[14] Yankovsky D.A. Improving the rules for sentencing a crime committed in complicity//Gaps in Russian legislation. – 2015. – № 4. - S. 212-217.
[15] V.A. Gauzhaeva. Complicity in crime: some problems of qualification and responsibility// Problems of economics and legal practice. – 2024. – № 1. - S. 247-253.
[16] Heinze O.V. Criminal liability for mediation in the commission of crimes: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. - M., 2022. - 198 s.
[17] A.V. Naumov, Criminal Code of the Russian Federation. General part: historical-philological and doctrinal (scientific) commentary. - M.: Prospect, 2021. - 416 s.
[18] Encyclopedia of criminal law: in 32 volumes/ ed. V.N. Kudryavtseva. - St. Petersburg: Ed. Prof. Malinina, 2007. - T. 6: Complicity in crime. - 564 s.
[19] Ivanov N.G. Criticism of “clean water”: the experience of empirical analysis of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. - M.: Yurlitinform, 2020. - 206 s.
[20] Quality of Criminal Law: Problems of the Common Part/Rev. ed. A.I. Rarog. - M.: Prospect, 2018. - 288 p.